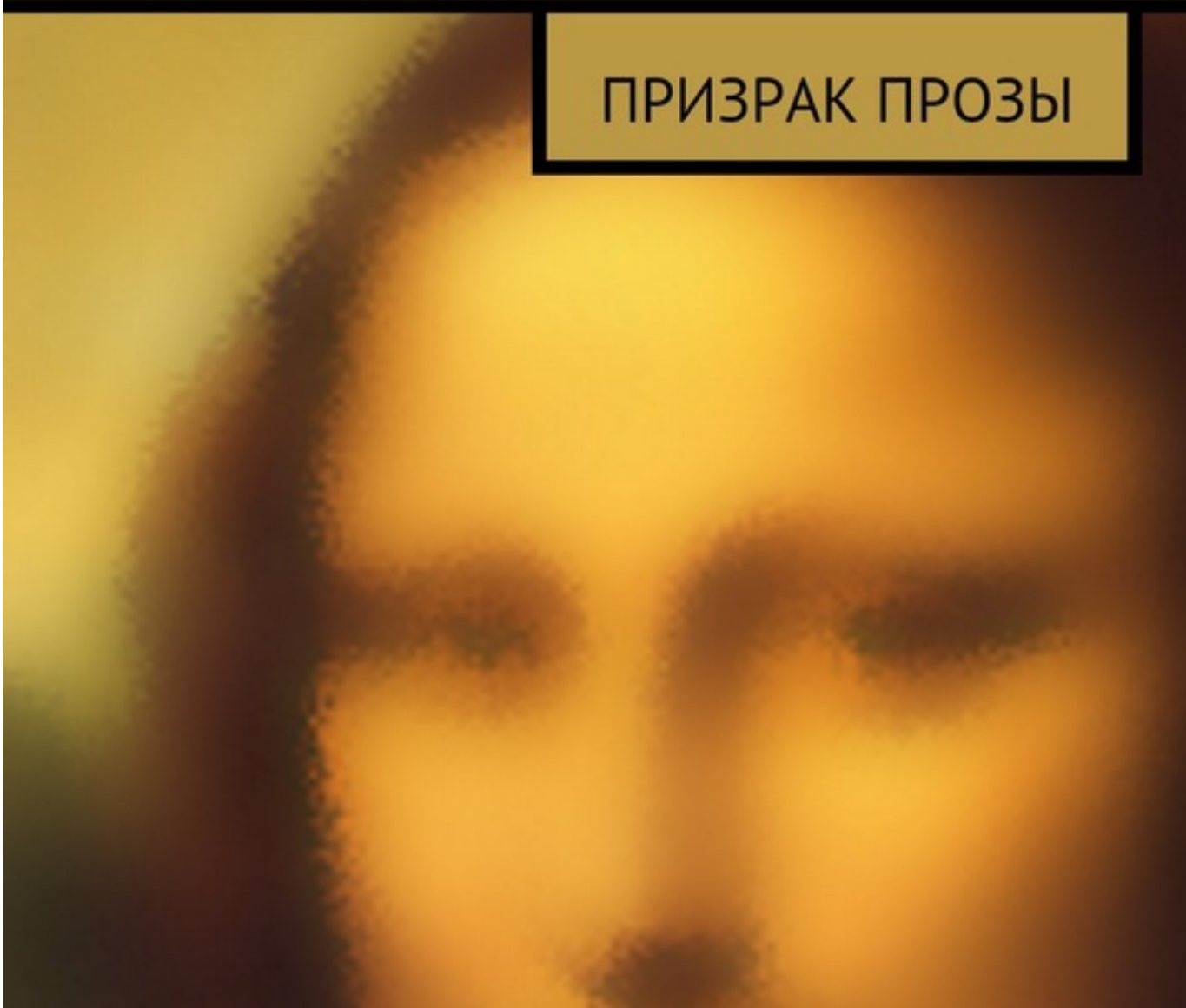

ОЛЬГА КУЧКИНА

Ночь стюардес

ПРИЗРАК ПРОЗЫ

Ольга Кучкина Ночь стюардессы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400840

ISBN 9785447470234

Аннотация

Частная жизнь первых лиц государства у нас окружена наистрожайшей тайной. Но именно к ней и привлечено пристальное внимание публики. Это приводит к тому, что даже малозначительные детали их реальной жизни становятся объектом сплетен и пересудов. Здесь иной случай. Перед вами история любви одной пары. Оpoznать прототипы не составляет труда. Но это не документальная проза – это попытка реконструкции действительности, художественный вымысел хорошо осведомленного современника.

Содержание

Апрельские тезисы	5
Пресс-конференция	6
Ночь (1)	8
Почтальон	10
Знакомство	14
В окне иллюминатора	16
Кафе Сайгон	18
Ночь (2)	21
Расставание	22
Записка	23
Ночь (3)	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ночь стюардессы призрак прозы Ольга Кучкина

© Ольга Кучкина, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все совпадения случайны

Все события и персонажи вымышлены.

Апрельские тезисы

1. Надо было как-то сказать девочкам. Невозможно было дальше плыть и не утонуть в этом море тотальной лжи. Хотя, по всей вероятности, они и так знали. А если не знали, то догадывались. Взрослые.

2. Море синело, голубело, зеленело, розовело, желтело и чернело – индивидуальная особенность ее зрачков позволяла видеть то, что было сокрыто от других. Может быть, ей надлежало стать художником.

3. Но скорее – писателем. Она любила слова, сочетания слов, искала в них смыслы, придавала им значение, какого, возможно, другие люди в них и не вкладывали.

4. В юности она хотела стать актрисой. Ничего удивительного. Все девчонки, если они хорошенькие, хотят стать актрисами. Нехорошенькие – тоже. Не все, но многие. Она была хорошенькая. Подходила к зеркалу, в зазеркалье возникало большелобое, большеглазое существо с совершенным овалом лица и без следа усмешки, это на людях была весельчак весельчаком – наедине с собой, изучая себя, сохраняла серьезность,

5. Тайная усмешка, прячущаяся в уголках его губ, делала его похожим на Джоконду. Она была потрясена, когда обнаружила эту похожесть, впервые увидев загадочную картину Леонардо да Винчи.

Ее Апрельские тезисы.

Пресс-конференция

– Первый канал. Почему вы так редко бываете на публике? Почему почти не даете интервью и не устраиваете пресс-конференций? Вы боитесь разговаривать с журналистами или вам запрещают?

– Кто?

– Ну, например, спецслужбы.

– Но вот я же перед вами.

Общий смех.

– Второй канал. Вы ощущаете себя самоценной личностью или ваш удел – находиться в тени вашего мужа?

– Знаете, как говорят: у великого мужа должна быть великая жена. Шутка.

Общий смех.

– Третий канал. Вы испытываете гордость за мужа?

– Гордость? Нет. Скорее, восхищение.

– А как вы относитесь к сплетням, распространяемым про него?

– Как к сплетням.

Общий смех.

– Четвертый канал. Простите несколько дамский вопрос, но у нас такой канал, состоящий из дамских вопросов. Вы считаете себя интересной женщиной?

– А вы?

Общий смех.

– Пятый канал. Что для вас главное в жизни?

– Жизнь.

Общее одобрение.

– Шестой канал. Ваши девочки прятались, когда были маленькими, но теперь они взрослые и могли бы уже, кажется, показаться на люди, почему они не делают этого? Вы им не разрешаете? Или муж не разрешает?

– Спросите у них.

– Как, если они скрываются?

– Вы сами сказали, что они уже взрослые. Это их выбор.

– У вас близкие отношения с дочерьми?

– Да.

– А у вашего мужа? Только не говорите: спросите его.

– Да.

– А на чью сторону они становятся, когда вы ссоритесь? Только не говорите, что вы не ссоритесь!

– Если вы запрещаете мне говорить одно и другое, о какой свободе слова может идти речь!

Общий смех.

– Седьмой канал. Вы считаете, что обладаете чувством юмора?

– Пожалуй, что нет.

Общий смех.

– Но вот вы же смеетесь.

Общий смех.

– Восьмой канал. Вам нравилось завтракать или ужинать только вдвоем с мужем?

– Хороший вопрос. Да.

– Вы завтракаете или ужинаете с ним сейчас?

– Он возвращается домой, когда я уже сплю, и уходит, когда я еще сплю. Вы вообще в курсе того, кем работает мой муж?

Общий смех.

– Девятый канал. Вы искренний человек?

– А вы разве этого еще не поняли?

Общий смех.

– А он?

– А этого вы тоже еще не поняли?

Общий смех.

– Десятый канал. Ваш муж понимает вас?

– Я воспитывалась в такой традиции, в какой жена должна понимать мужа.

Общее одобрение.

– Семнадцатый канал. Вы сильная?

– Да.

– Восемнадцатый канал. Как он по-домашнему называет вас? Или называл?

Общее негодование.

– Я отвечаю. Дружочек.

Ночь (1)

Даже дожди в двух столицах проливались по-разному.

В Питере – тотальная серость и сырость, мрак и сумрак, свинцовое поднебесье, давящее на плечи, впрочем, выносливые, способные вынести не только погоду, не жалуемся и никогда не жаловались.

Хотя в молодости плакать в Питере было хорошо. Слезы смешивались с текучими струйками дождя, скрытые от посторонних глаз. Милые заплаканные московские небеса облегчали душу сами по себе. Понравилось подслушанное в чужом разговоре: сиротский какой-то дождичек. И вдруг неожиданно разверзались хляби небесные, колотило с такой веселой яростью, будто хотело смыть все человеческие грехи, и так же неожиданно проходило, яркой синевой наливались дыры в небесной простыне, они увеличивались, раздвигая тучи, и вот уже солнце овладевало всей территорией, от земной зелени поднимался пар, небо стремительно просыхало, само смеясь своим проказам.

Питер ассоциировался со стылой осенью. Москва – с жарким летом. В Питере болела, в Москве – выздоравливала. В самом начале был период влюбленности в Ленинград. Но тогда она и была влюблена.

В первый экскурсионный прилет туда с коллегами по работе, числом пятнадцать, сели с подружкой в троллейбус, спросили: *до театра Ленсовета доедем?* Простецкого вида мужичок, оглядев их с ног до головы, серьезно ответил: *девушки вы молодые, крепкие, может, и доедете.*

Стоп. Красный свет.

Утешительно шелестел сиротский дождичек. Или иначе – ситничек. Окно было открыто, слабый шум дождя врачевал.

Спустила ноги с постели, ночная рубашка задралась, оправила ее, босиком прошлепала к окну, прижалась горячим лбом к прохладному стеклу.

Regen – дождь по-немецки.

Rain – по-английски.

Pluie – если слабый дождь, или pleuvoir – если ливень, по-французски.

По-испански – llover. Мелкий, как сейчас – lluvia menuda. Lluvia con sol – грибной дождь.

На португальском – chuva.

У португальцев дождь – уважительная причина, чтобы не идти на работу.

В маленьком городке Уайнсберг в американском штате Огайо дождь идет сто лет кряду в один и тот же день июля, забыла, какой.

В XVII веке Великобритания приняла закон о дожде, по нему за неверное предсказание дождя метеоролога казнили.

*Дождь проливным потоком
Стучит с утра в окно.
Ты от меня далеко,
Писем уже нет давно...*

Песенка, которую в детстве пела любимая мама певичка Клавдия Шульженко.

Сколько лишних знаний.

Нужных не хватало.

Зато отвлекало от того, о чем думать себе запретила.

Вернулась в постель, зажгла лампу, протянула руку за книгой, раскрыла на загнутом уголке страницы, неизжитая детская привычка, глупый французский детектив, специальное снотворное, впрочем, мало помогавшее. На худой конец имелись таблетки. Но это и было худым концом. Приходилось принимать их во все большем количестве. Врачи предостерегали от злоупотребления. Плевала она на их предостережения. Открыла ящик прикроватной тумбочки. Едва нащупала нужные блистеры, раздался тихий, четкий стук в дверь.

Почтальон

*Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне
С цифрой 5 на медной бляшке,
В старой форменной фуражке?
Это – он,
Это – он,
Ленинградский почтальон.*

Форменной фуражки не было. И почтальон был не ленинградский. Ленинград возникнет позже, в паре часов лету. Калининградский был почтальон.

Небо и земля. Так говорят, когда хотят подчеркнуть разницу: мол, такое же отличие, как неба от земли. Будущий Дружочек соединит в себе одно и другое: небесный полет и твердую почву под ногами. Это теперь они пастозные, отечные, отяжелевшие, а когда-то были стройные и легкие. Не бегала, а летала прямыми, аккуратными, немецкого фасона, улицами, мимо Кенигсбергского замка, мимо готического кафедрального собора, мимо кирхи Святого семейства, мимо музея янтаря и музея фортификации, и пусть по факту маршрут складывался иначе, все равно норовила пробежать любимыми улицами, составлявшими лицо города.

В школе говорили: советского по времени тут было неизмеримо меньше, чем немецкого. До 1255 года поселение называлось Твангсте, с 1255 года до 1946 года – город Кенигсберг. Имя дедушки Калинина присвоили городу ни с того ни с сего, когда дедушка отправился в мир иной. А сам город отошел к СССР от побежденной Германии по решению Потсдамской конференции, сперва временно, затем навсегда.

Она мечтала пойти в артистки. Занималась в драмкружке при Доме пионеров. Недавно прочла про себя у актрисы, которая вела драмкружок: *у нее была потрясающая внешность, она казалась ангелом, сошедшим с небес, ее белоснежные волосы так контрастировали с черными, как смоль, бровями и ярко-синими глазами, что, казалось, будто девочка накрашена.*

Фыркнула. Какие белоснежные волосы, когда всю жизнь шатенка, если не краситься. Может быть, она была в парике? И какой ангел, если ей удавались роли злодеек, особенно роль коварной Миледи в *Трех мушкетерах*. Перевоплощалась, конечно. Но и черпала что-то из собственных глубин. Собралась и полетела в Ленинград поступать в артистки. Конкурс прошла, а экзамен завалила. Пережила, взяла себя в руки. Умела брать себя в руки. Вернулась. Вздохнула и пошла помогать семье, что называется, из простых. Мама – кассир автоколонны, отец – почтальон. Устроилась почтальоном. Отец перешел на завод в токари-револьверщики. И она стала ученицей токаря-револьверщика на том же заводе. А еще поработала санитаркой в горбольнице. А еще – аккомпаниатором в Доме пионеров. А еще...

О, это девичество 70-х прошлого века! Неприхотливое, непритязательное, невзыскательное, самоотверженное, ответственное, привыкшее довольствоваться малым. В том числе, тем, что *выбросили* или *дают*.

О, этот словарь 70-х прошлого века!

Вот *выбросили* женские сапожки. Не в том смысле, что выбросили на помойку, а в том, что эти самые сапожки поступили в торговую сеть.

Или, например, *дают* масло. То есть оно не лежит в свободной продаже в витрине магазина, посверкивая то золотой, то серебряной оберткой, а отрезанное от большого жел-

того сливочного куска кусочком малым, в двести или триста грамм, отпускается одним этим кусочком в одни руки стоящих в длинной нервной очереди.

А то мать семейства посылает чадо за *сыром*. Не маасдамом, либо там камамбером, либо швейцарским, либо, не приведи Господь, пармезаном, привет из будущего, тогда и слов подобных не знали, а просто для бутербродов с сыром к завтраку. И дитя выстаивает очередь за брусочком масла, который, экономя, растягивали на пару недель, и очередь за сыром, который мог и не достаться, если припозднишься, и весь расхватают, а после этого несется за сапожками, которые аккуратно носят следующие десять лет.

Словарь ее юности нынешним молодым непонятен. Нынешний словарь практически непонятен ее сверстникам и сверстницам. *Юзер и лузер. Софт и контент. Писюк. Сисадмин. Айтивишник. Аська. Гаджет. Логин. Браузер. Драйвер. Фейк. Листинг, нейминг и адвер-тайзинг. Гуглить и ангрейдить* и проч. и проч.

Лексикон, употребляемый нынешними молодыми, называется *хабрахабр*. Бр-р-р. Звук отображает суть. А она в том, что новая цифровая цивилизация выводит обычного человека, а вместе с ним и человечность, за скобки. Опасность трудно разглядеть с той малой высоты, на которой стоит обыкновенный юзер, а тем более лузер. Но если сделать попытку как бы приподняться, как бы привстать на цыпочки, как бы взлететь над пространством...

Хабрахабр не слишком пугал Дружочка. Во-первых, она знала языки, и овладеть каким-либо лексиконом не составляло для нее труда. Во-вторых, умела взлетать. В прямом и переносном смысле. Как стюардесса и как человек, в котором уживались трезвый рассудок и мечтательность. Она знала, что компьютерный язык, так мощно ворвавшийся в человеческое общение, предназначался поначалу для контроля за военной техникой и был разработан в Штатах, где именовался *Язык Ада*. Так звали некую Аду Лавлейс, в честь которой появился термин. На самом деле язык сам выбирает, какими звуками ему озвучить то или иное понятие. Хабрахабр. Язык Ада.

Тупая боль пульсировала в висках.

Сорок лет назад, попытайся кто-нибудь напроорочить, на каких языках, где и с кем она станет разговаривать, рассмеялась бы пророку в лицо. Мечты были простые, как проста была девочка, ну может, чуточку посложнее своих родителей. Так устроено на этом белом свете, что каждое последующее поколение чуточку сложнее предыдущего. Хотя, возможно, это заблуждение любого поколения.

Ей нравилось разносить газеты, вручать письма и телеграммы. Люди улыбались ей, потому что она улыбалась им. Она чувствовала себя как на подмостках. Она не собиралась всю жизнь быть почтальоном, она играла роль.

Страна сыпала снежной крупой и лопалась острыми зелеными почками, рассаживалась по трамваям, автобусам и троллейбусам, ехала откуда-то и куда-то, толстела и худела, болела и выздоравливала, получала получки, выпивала и закусывала, а иногда и не закусывала, посещала кино и театры, кино чаще, чем театры, читала прозу и поэзию, прозу чаще, чем поэзию, шила, вязала, модничала и оставалась вне моды, не до того, плавала и загорала, встречала закаты и рассветы, объяснялась в любви и ссорилась, пела и плакала, рожала и хоронила своих мертвых. Почти ничего из жизни людей не отражалось в печатных изданиях, которые разносила по разным адресам молоденькая почтальонша. В них отражались пронумерованные съезды капээсэс и вээлкаэсэм, отчеты о достижениях тяжелой, машиностроительной, строительной, лесной, текстильной, пищевой и иной промышленности, выполнение и перевыполнение планов, количество произведенных станков, подъем урожайности, задачи профсоюзов, успехи политпросвещения и результаты соцсоревнований.

Людям это не могло быть и не было интересно. Была привычка. И обязателька. На работе следили, чтобы работники, проявляя сознательность, подписывались на печатную

продукцию. Иногда это была газета *Правда*, иногда газета *Калининградская правда*. Не то, что малая чем-то отличалась от большой. Малая была дешевле.

Отец Дружочка подписывался на большую и почитывал ее по вечерам, а иногда и вслух, гордясь страной, в которой жил.

Дружочек, тоже гордясь, напевала:

*Мой адрес – не дом и не улица
Мой адрес – Советский Союз!..*

То, что она пела нелепицу, проходило мимо сознания. Аналитик в ней в ту пору дремал, если не спал крепким сном. Подумай она хорошенько, могла бы сообразить, что любой гражданин в любом государстве жил на такой-то улице в доме с таким-то номером, там протекала его отличная от остальных, личная жизнь, а у нас выходило, что нет ни малейшей разницы, какая будет нашему гражданину фамилия, Иванов, Петров или Сидоров, поскольку никакой личной жизни, отличной от остальных, у нашего гражданина отродясь не было и не должно было быть. Один всепоглощающий адрес – Советский Союз – нивелировал жителей, как нивелировал металлические изделия револьверный станок ее отца.

Песни сопровождали жизнь советских девушек. Юношей тоже.

Нам песня строить и жить помогает...

Дружочек была музыкальна. Мыча одну за другой разные мелодии, навещала одинокую бабулю, сын которой посылал ей поздравительные открытки на Новый год, 1 мая и 7 ноября, а в остальные времена года помалкивал за недосугом. Неунывающей матери-одиночке с многочисленным выводком приносила раз в месяц полагавшееся от государства денежное пособие. Одна молодая женщина все ждала какую-то телеграмму, а когда Дружочек, наконец, ее принесла, адресатка, прочтя и побелев лицом, тихо свалилась на пол в глубоком обмороке, пришлось вызывать скорую. Ссохшийся старичок, выписывавший *Комсомольскую правду*, на вопрос Дружочка, зачем ему комсомольская, отвечал: *там чуть меньше врут*.

Опустошив почтальонскую сумку, Дружочек мчалась домой, распевая:

*Широка страна моя родная
Много в ней лесов, полей и рек.
Я другой такой страны не знаю,
Где так вольно дышит человек.*

Ну, не знала. А что она могла знать про другие страны при железном-то занавесе? Не знала и не сравнивала.

Как хорошо мы плохо жили, скажет один знаменитый режиссер и острослов по прошествии сорока лет.

В *Калининградской правде* она прочтет, что осенью объявляется набор на курсы стюардесс. Страна который год не отрывалась от киноэкрана, на котором демонстрировался фильм *Еще раз про любовь*, с пышнотелой обладательницей чарующего голоса, красивой и выразительной артисткой Татьяной Дорониной в роли стюардессы Наташи и с красивым и выразительным артистом Александром Лазаревым в роли физика Евдокимова. Все молодые люди Советского Союза мечтали стать физиками, а все девушки – стюардессами. Официально они именовались бортпроводницами.

В объявлении приводились условия: приятная внешность, возраст от 18 до 27 лет, рост от 165 до 185 см, хорошее здоровье, а также отсутствие судимостей. Она подходила по всем статьям, а все равно ненароком взглядывала в зеркало: *свет мой, зеркальце, скажи*. Зеркало бодро отзывалось: *не трусь, пройдешь*.

Позже узнала подробности: работа нервная, ненормированный рабочий день, постоянные стрессы и недосыпы, сохнет и быстро стареет кожа лица, все время на ногах, от этого варикоз вен, профзаболевание, плюс ко всему невысокая зарплата.

Романтик в ней не сдавался.

Родным сообщила, что едет на три месяца в Минск. Курсы бортпроводниц были в Минске.

Кастинг прошла без труда.

Было еще собеседование с психологом-женщиной. Психолог, внимательно на нее посмотрев, задала чудной вопрос: *а какие у вас отношения со смертью?* – *То есть*, не поняла она и тут же проговорила: *никаких*. – *И вы не боитесь летать?* – *Да нет вроде*. – *Но самолеты, бывает, падают, что вы станете делать в случае, если ваш самолет начнет падать*, спросила психолог-женщина, *испугаетесь, впадете в истерику?* – *Я думаю, в случае, если самолет начнет падать, у меня будет слишком много работы, чтобы пугаться и впасть в истерику*, подумав, отвечала она.

Умница девочка, сказала психолог-женщина.

Новая бортпроводница стала украшением Калининградского авиаотряда.

Знакомство

Все молодые люди, посмотрев фильм *Еще раз про любовь*, хотели стать физиками.

Кроме него. Он, посмотрев фильм *Подвиг разведчика*, с красивым и выразительным артистом Павлом Кадочниковым в роли разведчика Алексея Федотова, действовавшего в оккупированном городе под именем Генриха Эккерта, хотел стать разведчиком. И ничего, что некрасив и невыразителен. Невыразительность – это еще лучше для профессии. Спустя годы он произнесет сакраментальное: *один человек мог решить судьбу тысяч граждан – так во всяком случае я это понимал.*

Она была еще первоклашкой, с двумя толстыми косичками, за которые дергали влюбленные одноклассники, когда он уже был самостоятельный подросток, хулиган, задиравшийся в школе и имевший стойкую репутацию своего во дворе среди остальных хулиганов. Его даже в пионеры не принимали по этой причине. Зато, когда приняли, сразу заделался председателем совета отряда.

Он тоже был из простых, еще проще, чем она. Жили в тесной коммунальной квартире – отец получил комнату от завода, на котором работал. Мать была сама доброта, отец жесткий, как наждак, который он у отца же и таскал, чтобы обтачивать свои мальчишеские поделки. Эта смесь формировала характер. В подъезде водились крысы, вместе с другими мальчишками гонял их палками. Взбегал на пятый этаж пешком, лифт отсутствовал. Ни ванны, ни горячей воды. Воду разогревали на плите и мылись в тазу. Учился так себе, хотя уже в наши дни учителя разглядят в нем способности, какие, оказывается, дремали в белобрысом пацане-троечнике. Чего у него было не отнять, так это внутренней силы, двигавшей его поступками. Рано поняв, что его дальнейшая жизнь сложится так, как он ее сложит, сел за учебники и пошел в спортзал заниматься сперва боксом, который его разочаровал, а вслед за тем восточными единоборствами, в которых нашел то, что искал: спокойствие, владение собой, уверенность в себе. Все это обеспечивало позицию, неизменно привлекавшую его: скрытого лидера.

Что-то там, в его юности и позже, было такое, о чем он никогда ей не рассказывал. Была сомнительная личность, воспитатель, тренер Леня-самбист, он же член питерской мафии. Когда в 1994 году Леню застрелят, то на кладбище возведут памятник, на котором выбьют собственноручно написанные им строчки: *Я умер, но бессмертна мафия.* И стихи, от которых Дружочек неизменно краснела: *Кинул последние в жизни две палки, и меня увезли на катафалке.*

Ничто не указывало на то, что дороги ленинградского паренька и калининградской девочки пересекутся. Между ними было пять лет разницы и два часа лету.

А между тем, парки, если в латинской версии, мойры – если в греческой, норны – если обратиться к викингам, уже плели свои нити.

Минует немало лет, когда она услышит:

*Одна, глухая, ниточку сучила
Одна, немая, узелки плела.
Не отмеряя, путала, кружила,
Смеясь, слепая ниточку рвала.*

То, что пряталось на метафизическом уровне, молодым людям было, разумеется, неизвестно. На физическом уровне они должны были предпринять усилие, чтобы двинуться навстречу друг другу. Допустим, завести знакомых – у него друг, у нее подружка, приятельствующие между собой. И тогда встретиться, скажем, года в двадцать два она и в двадцать

семь он у театра Ленсовета, куда его пригласит друг, а ее – подруга. Та самая коллега по работе, с которой они сели в троллейбус, где на вопрос, доедут ли, получили такой смешной ответ. Они и рассмеялись. Настроение было превосходное – отчего не рассмеяться.

Они ехали в театр Ленсовета на популярный концерт популярного артиста Аркадия Райкина. И там смеялись до упаду. Райкин со своим гуттаперчевым лицом выходил на сцену в смятой фуражке, еле держась на ногах, в состоянии алкогольного опьянения, и делился с публикой своими проблемами: *дали два выходных... чтобы отдохнуть... по квартире пошататься... убивать время почему зря...* То была знаменитая миниатюра *В греческом зале*, в ней симпатичный алкаш отправлялся в музей поднабраться культуры, раз уж дали два выходных. Следом шла другая, в ней артист появлялся в облике кавказца (о, где ты, толерантность!), привыкшего к дефициту и благу, родимым пятнам социализма, и философствовал: *нет, в принципе ты прав... но глубоко ошибаешься... все идет к тому, что всюду все будет... изобилие будет, но хорошо ли это будет?..* Зал разражался хохотом, узнавая житейское и отдавая дань смелости артиста. Разумеется, смелость была разрешенная, только над житейским и дозволялось смеяться, и то едва ли не единственному Райкину. Но наша четверка, как и прочая публика, подобными проблемами не заморачивалась, отдыхая. Народ хотел отдохнуть, и власть охотно предоставляла ему эту возможность, тут они глубоко совпадали – наглядный образчик единения власти и народа. В дальнейшем он намотает это себе на ус.

В антракте направились в буфет. Пока стояли в очереди, будущий Дружочек не переставала остеречь, держа площадку, Райкин наваял. Будущий Джоконда улыбался, пока не так, как улыбается знаменитая молодая женщина на знаменитом портрете Леонардо, но тогда Дружочек ее еще не видела. Дружочку было семнадцать, когда Джоконду привезли в Москву, а Дружочек жила в Калининграде. Она увидит ее улыбку во Франции, в Лувре, когда у нее начнется совсем другая жизнь.

А пока ее новый знакомец как-то так криво усмехается, хотя чаще остается если не холоден, то прохладен. Получалось, что Дружочек зря старается.

Может, от этой тщеты усилий новый знакомец Дружочку, скорее, не понравился, нежели понравился. Какой-то невзрачный серый костюм, и сам под стать костюму. Однако, когда он сказал, что может достать билеты в Ленинградский мюзик-холл, все радостно согласились продолжать набираться *культуры*. И на второй день отправились в мюзик-холл. А на третий – опять встретились в театре Ленсовета. То есть Ленинград обернулся для всей четверки сплошным праздником.

Короткий отпуск кончался, друзей ждали трудовые будни. Он, никому не дававший номера своего телефона, написал его на бумажке и протянул ей. Она взяла, пообещала позвонить, когда окажется в Ленинграде в следующий раз. Он сказал, что работает в угрозыске. То, что она работает бортпроводницей, он догадался по ее униформе.

В окне иллюминатора

Начались свиданья. Теперь уже вдвоем, а не вчетвером.

Люди приходят на свиданья своими ногами или приезжают общественным транспортом. Она летала на свиданья самолетом.

Униформа ей очень шла. Темно-синяя облегающая бедра юбочка, такой же подчеркивающий грудь жакет, белая блузка, крошечная косынка в красно-синих тонах, повязанная по типу галстука, синяя же пилоточка, сумка через плечо – вид, закачаешься. Она и покачивалась на высоких каблучках, идя по взлетному полю или стоя в ленинградском троллейбусе, доставлявшем ее на свидание. Не таких высоких, какие диктует мода 2015-го, но все же. В воздухе, по совету подруг, переобувала лодочки в балетки, – все меньше вероятность варикоза.

В воздухе редко выдавалась свободная минута. Надо было рассадить пассажиров, устранить недоразумения, разнести напитки, включая алкоголь, раздать еду, выслушать претензии, смягчая их разъяснением, а то и шуткой, и все с улыбкой, спокойно и доброжелательно.

Уже потом, используя эту самую свободную минуту, можно было присесть в служебном помещении, сняв с лица дежурную улыбку, чтобы дать лицевым мышцам отдохнуть от вечного напряжения. Тогда она и научилась надевать и снимать ее с лица, словно вещь, что в обычной земной жизни практиковалось, как говорили, только у американцев, – хмурое выражение было обычным выражением русского лица.

Никаких американцев в окружении Дружочка не было и быть не могло – откуда при железном занавесе взяться американцам! На собеседовании ей задавали вопрос о нежелательных контактах и одобрительно кивали головой, слушая ее чистосердечное признание, что таких контактов не имеется. Хотя летать она собиралась не на международных, а на внутренних линиях – Калининград был закрытым городом, международным сообщением тут и не пахло.

Американцы приехали в Москву и заодно посетили Питер только в 1980-м, когда проходила московская Олимпиада – тогда она их и увидела. И французов, и англичан, и немцев, и испанцев. Взирали на них как на инопланетян. Свободные, раскованные, веселые. Они ей понравились. Она подумала, что, пожалуй, стоит начать изучать языки – немота тяготила.

Время менялось. Не стремительно, но все-таки.

И песни пелись уже другие.

*В который раз лечу Москва-Одесса —
Опять не выпускают самолет.
А вот прошла вся в синем стюардесса, как принцесса,
Надежная, как весь гражданский флот...*

Напевала, покачиваясь на каблучках, придя на свиданье, назначенное где-нибудь в метро или в Летнем саду.

Написавший эту песенку назывался бард, хотя был он в чистом виде поэт. Как раз, когда в Москве официально открылась Олимпиада, неофициальный народ ломанулся на Таганку. От знакомых Дружочек услышала: лежал на сцене Таганки, бездвижный, с лицом спокойным навсегда, то есть не навсегда, конечно, а до той поры, как окончательно разрушится плоть и потеряется человеческий облик, останется только голый череп, такой же, какой держал в руках и к какому обращался Гамлет – последняя роль артиста-поэта на этой сцене, и живая

река из зареванных людей струилась к театру, чтобы последними аплодисментами проводить его в последний путь.

В телевизоре ничего этого не показали. Сегодня говорят: нет в телевизоре – нет вообще.. В те поры в телевизоре не было, а в жизни было.

Она ждала нового друга в назначенном месте в назначенный час десять, пятнадцать, двадцать минут, полчаса, полтора часа, а он все не шел, и ей некуда было деться, не улетать же обратно в Калининград несолоно хлебавши, нетерпение сменялось недоумением, недоумение тревогой, тревога злостью, вслед за чем наступало полное безразличие к тому, будут ли продолжаться их отношения или на этом закончатся. Когда он, наконец, появлялся и чмокал ее в щеку, она была уже как выжатый лимон, и ей было все равно.

Что-то такое он умел, однако, отчего досада, злость и равнодушие таяли, как тает под солнышком февральский снег. Он наскоро просил прощения, но было очевидно, что никакой особой вины он за собой не чувствует, а предлагает принять вещи такими, какие есть, просто существуют дела поважнее их свиданий. Что за дела, он никогда не рассказывал, обойдясь раз и навсегда короткой фразой: *до обеда ловим, после обеда отпускаем*. Она смеялась – не стоило портить состоявшегося-таки свидания. Сильная сторона ее характера заключалась в том, что она не лелеяла своих сменявшихся настроений и не дулась – он ценил это. Ему было невдомек, что она работала над собой, чтобы не стать ему докукой. Или вдомек?

Мир стюардесс – чистка перышек, щебетанье, хрустальный смех, нечто неземное, кутающееся в перистые облака как в боа из страусиных перьев – таково в общих чертах представление публики об этом мире. Публика не знает подробностей. Поторопиться убрать использованную грязную посуду, поспешить с бумажным пакетом для рвотины, пока пассажир не заблевал себя, соседей и самолет, постараться успокоить дебошира, сумевшего напиться из мини-барных бутылочек до поросячьего визга, применив даже и физическую силу, которой у нее, эльфа и феи, заведомо меньше, чем у здорового бугая. Это тоже – мир стюардесс.

Она поднималась на борт самолета, переполненная ощущениями минувшего дня, снимала жакет и шапочку, оставаясь в белой блузке и поправляя перед зеркалом свои густые кудри, и когда шли на взлет, не отрывая глаз от быстро убегающей земли, шептала про себя таинственные молитвенные слова, которые когда-то услышала от бабушки: *иже еси на небеси...*

Она любила смотреть в окошко иллюминатора. Проплывавшие мимо каравеллы облаков лишь поначалу виделись сплошь белыми. Так же, как поначалу ей увидится сплошь синим море, когда она увидит его в первый раз. Стоило взглянуть в эту белизну и в эту синеву, и весь спектр красок открывался ей. Для чего природе такая роскошь, размышляла она, природа же себя не видит, значит вся природа старается для человека, то есть для нее? Мысль странно холодила горло. Товарки спрашивали: *что ты там все высматриваешь?* Она молча улыбалась, но как-то раз уронила: *и в небесах я вижу Бога*. Атеистки-товарки сделали большие глаза. Она засмеялась: *это Лермонтов*. Ее начитанность не угнетала. Она не хвасталась ею, не стремилась возвыситься за этот счет над остальными. Ее ровный характер обеспечивал ей симпатии коллег.

Нет, взмывая *в небеси*, она не встречала в тамошних облаках Его. Однако ей хотелось надеяться, что за сонмом белоснежных, а на самом деле цветных облаков существует какой-то волшебный свет, который и есть Он. Как соединялась эта надежда с коммунистическим мировоззрением, присущим всему советскому народу, а комсомолкам в особенности, – Бог вещь.

Видимо, Он ведал, раз допускал.

Кафе Сайгон

Она летала на свиданья самолетом – он приезжал на *Запорожье* с прогоревшим глушителем – матери дали в столовой вместо сдачи лотерейный билет, а билет вдруг взял да и выиграл *Запорожье*, которым он очень гордился. Гордился неявно, однако она училась различать оттенки его мимики и отмечала собственные успехи. Эта игра ее даже увлекала. Во всяком случае, это было интереснее, чем если бы ее спутник был открыт и простодушен. Девушки любят Печориных скорее, нежели Максим Максимычей.

Посещали концерты, гуляли по Невскому, он показывал ей достопримечательности по списку: Эрмитаж, Зимний дворец, Исаакиевский собор, Казанский собор, *Медный всадник*, Петропавловская крепость, а также крейсер *Аврора* с пушкой, из которой был произведен залп, возвестивший о Великой Октябрьской революции, залп, которого в действительности не было, как выяснится позднее. Внутрь дворцов и соборов не заходили, довольно было внешнего осмотра. Восхищенная, она должна была признать, что калининградские достопримечательности меркнут в сравнении с питерскими.

Проголодавшись, заходили в *пирожковую* или в кафе *Север*, на западный манер *Норд*, он угощал ее сладостями, благо, фигурка позволяла.

Чувство накапливалось исподволь.

На последнем свидании она предложила ему сходить повеселиться в кафе *Сайгон*. Слух о злачном местечке достиг и ее маленьких ушей. Рассказывали, что там, на углу Невского и Владимирского проспектов, собирается неформальная молодежь: поэты, художники, музыканты – андеграунд. Она все активнее проявляла интерес к языкам и знала, как это переводится: подполье. Хотелось посмотреть, что за подполье. Спросила: *почему Сайгон?* Она всегда его спрашивала, а он всегда отвечал. Он многое знал про то и про это. Ее привлекали люди с кругозором. Выяснилось, что и про *Сайгон* ему известно. Он сказал, что сначала была безымянная кофейня, сменившая несколько названий, прижилось одно, легенда гласила, что какой-то рассерженный милицейский чин прикрикнул: *что вы тут курите, безобразники, какой-то Сайгон устроили!* Столица Южного Вьетнама была в ходу, в разгаре была война между американцами и вьетнамцами. С тех пор и пошло: Сайгон да Сайгон. На предложение зайти туда он ничего не ответил. Может быть, не услышал из-за дождя. Она повторила просьбу. Он состроил гримасу. Она увидела и слегка скисла. Он увидел, что она скисла, и, кажется, ему это не понравилось.

Погода оказалась на ее стороне. Днем зарядил мелкий дождь, а к вечеру вдруг полило, как из ведра. Они были как раз напротив *Сайгона*, не оставалось ничего другого, как спрятаться от водных потоков там.

А там, несмотря на довольно ранний час, уже дым стоял коромыслом. Почему коромыслом, мельком подумала она, как всегда, внимательная к словам. Публика дымила от души. Он использовал свой запас еще во дворе-колодце – начав заниматься спортом, бросил и больше не баловался. Она иной раз баловалась. Он был против, и она подчинилась. Выяснилось, что она не имеет ничего против подчинения. Подчиняясь, она как бы признавала его права на нее. Настаивал ли он на них – этого она не ведала, но подобных разговоров не затевала, приняв раз и навсегда, что он из тех, кому должна принадлежать инициатива.

Нашли местечко неподалеку от входа, она с любопытством озиралась, он вел себя так, будто бывал тут не раз.

Пестрая, безалаберная, противоречивая Москва собирала стадион в Лужниках на Ахмадулину, Вознесенского, Евтушенко, Рождественского. Чиновный и чинный Питер предоставлял маленькое помещение прокуренного *Сайгона* Бродскому, Рейну, Шемякину, Довлатову, Гребенщикову, Курехину. Впрочем, ко времени появления здесь нашей парочки

почти все они лет десять, как разъехались, кто куда, кто выдворен за границу, кто добровольно эмигрировал, кто переехал в первую столицу. Джоконде это было известно, так что он мог не нервничать, опасаясь нежелательной встречи. Правда, в Питере оставались Гребенщиков с Курехиным, но их в тот вечер в *Сайгоне*, слава Богу, не было.

Тем не менее, по каким-то слабо уловимым признакам она ощутила, что он нервничает. Может, им, милицейским, запрещено вот так вот запросто слоняться по кабакам?

В нескольких шагах от них молодой человек невзрачной наружности играл на флейте.

Она всегда любила читать. И теперь, собираясь поступать в университет на западную филологию, то и дело бегала в библиотеку за книжками – начитывать багаж. Книжные сюжеты чудным образом пронизывали жизнь. Увидела музыканта и тотчас вспомнила Розенкранца с Гильденстерном. Те не умели играть на флейте, этот – умел. Со смешком поделилась знанием предмета со своим спутником. Тот никак не прореагировал. То ли не знал предмета, то ли ему это было неинтересно. Она оставила тему.

Посмотрели кофейную карту, в ней значились: маленький простой, маленький двойной, большой двойной. Решили пить большой двойной. Он сходил за кофе и пирожными, она слегка продрогла и теперь согревалась горячим питьем. На нее поглядывали, по его лицу нельзя было прочесть, то ли ему льстило, что с ним такая интересная девушка, то ли чужие взоры вызывали его неудовольствие. Она, в свою очередь, разглядывала публику, коротко стриженую и длинноволосую, в пиджаках с большими накладными плечами и рубашках с узкими галстучками, преобладала доморощенная джинса.

Она попросила его купить пачку сигарет. Он хмыкнул, но встал и пошел за сигаретами. А когда вернулся, она почувствовала, что что-то между ними серьезно разладилось. Она могла бы не курить, но ей точно вожжа под хвост попала, она почему-то решила на этот раз не уступать ему и молча закурила. Возможно, свободные нравы *Сайгона* вот так вот непосредственно оказали на нее свое тлетворное влияние.

Кто-то читал стихи:

*Слава тебе, безысходная боль!
Умер вчера сероглазый король...*

Позднее она узнает, что стихи написала Аня Горенко, она же Анна Ахматова, которая станет ее любимой поэтессой.

Какие-то события посылали ей вперед себя известия о себе – она, как и все мы, не умела их прочесть.

Двое поднялись и принялись танцевать. К ним прибавилось еще несколько танцоров. Она глянула на него вопросительно, он в этот момент отхлебывал остывший кофе и не заметил вопроса в ее глазах. Или сделал вид, что не заметил. Приблизился худой, высокий, с волосней, закрывавшей пол-лица, позвал ее потанцевать. Она спросила: *ты не возражаешь?* Он усмехнулся и пожал плечами. Прочесть это можно было по-разному, как да и как нет. Она тряхнула кудрями, встала и двинулась за парнем, немедленно взявшим ее за руку. Он с подозрением относился к высоким, тщательно скрывая это. Это был другой человеческий класс. Он чуял в нем чужесть. И заранее выставлял шипы. Следовало, однако, признать, что они неплохо смотрелись вдвоем. Парень что-то говорил ей, она смеялась, что-то спрашивал, она оживленно отвечала. Парень подвел ее к флейтисту, флейтист, на мгновение опустив флейту, поцеловал ей руку.

Вернувшись на место, она увидела его играющие желваки. Он спросил: *ты знакома с этим лабухом?* Она отрицательно покачала головой: *нет. – А если нет, зачем давать ему целовать ручки?* Она вспыхнула. *А с этим, с танцором, знакома?* – *Тожже нет.* Он хмыкнул: *тебе, может, и нравится пребывать в этой копоти, только смотри не закоптись.* Она

хотела сказать ему в ответ что-то остроумное, но остроумного не нашлось, и она промолчала. Он продолжил: *если ты так с первыми встречными-поперечными...* Она встала, оборвав его на полуслове: *пойдем*.

За ним водилась особенность: когда был возбужден – тараторил, когда спокоен – говорил нормально. На его скороговорку обратил внимание друг, знавший правила сценической речи: *ты должен перестать тараторить, это умаляет значение того, что ты говоришь, взвешенная речь более значима*. Он стал тренироваться и, в общем, избавился от этого недостатка. Когда по какой-то причине еле сдерживался – цедил слова. Сейчас цедил.

Они вышли в дождь. Сделав несколько шагов, он внезапно остановился и положил руки ей на плечи. Она почувствовала, что он весь дрожит. Его дрожь передалась ей. Еще не понимая, что произошло, она спросила: *что произошло?* Он спросил, в свою очередь: *а ты еще не поняла?* Она отрицательно покачала головой: *нет*. В ответ услышала какую-то дичь: что они не подходят друг другу и должны расстаться. К такому она не была готова. Все еще думая, что это какое-то недоразумение, которое сейчас разъяснится, и все будет хорошо, она натужно расхохоталась: *это из-за того, что я танцевала с этим парнем?* Ей казалось еще, что все в ее власти, что она сейчас скажет нужные слова, и морок развеется. Она с жаром начала говорить, что он именно тот, кто ей нужен, но чем больше она говорила, тем меньше убежденности звучало в ее словах. Она умолкла. Он крепко обхватил ее голову обеими руками, больно поцеловал в губы и быстрым шагом ушел прочь, оставив ее стоять в полной растерянности посреди насквозь промокшего Невского проспекта.

Слава тебе, безысходная боль!..

Потоки слез смешались с потоками дождя.

Ночь (2)

Она не заметила, как соскользнула туда, куда запретила себе соскальзывать.

Похоже, что она задремала и во сне потеряла контроль над собой.

Раздался тихий, но четкий стук в дверь. Вошел он.

– Я увидел полоску света, можно?

– Можно, – осевшим голосом проговорила она, одним движением смахивая блистеры со снотворным в ящик тумбочки

Он не входил к ней уже много месяцев.

Она вопросительно посмотрела на него. Опустив книгу на живот, пододвинулась, чтобы дать ему место.

Он был в расстегнутой на груди летней пижаме, новая, заметила она по привычке все замечать, протяни руку – коснешься гладкой безволосой груди.

На мгновение ее как кипятком ошпарила мысль, что все еще могло быть, как раньше.

Ничего, как раньше, быть не могло.

Днем она, просматривая новости по компьютеру, внезапно, теряя волю и подчиняясь необоримому желанию, кликнула его фотки: крупный план, крупный план, крупный план, план, на котором он улыбается улыбкой Джоконды, общий план, где он в камуфляже, с ружьем, обнаженный по пояс. Последнее неожиданно ударило ее с такой силой, что она застонала. То, что видела она одна, что принадлежало ей одной, теперь демонстрировалось всему миру, и в этом было неслыханное бесстыдство. Были еще фотки, где он с ней, когда он был еще с ней, и он с ней, с той, другой, и та, другая, победоносно-радостно, открыто-счастливо смеется, глядя ему прямо в глаза, и он, глядя прямо ей в глаза, одаривает ее любовной улыбкой. Кажется, это должно было поразить ее особенно болезненно. А нет. Она столько времени муштровала свою душу, что теперь, как стойкий оловянный солдатик, могла выдержать и не такое. А вот при виде его обнаженной груди вдруг потеряла контроль над собой.

– Лежи, я посижу рядом.

Расставание

Ему нравились женщины. Ему нравились красивые женщины. У него был опыт общения с ними, сладкий и горький. У него был сладкий и горький опыт общения с женщиной, которая должна была стать его женой. Он поставил меня в известность об этом эпизоде своей жизни, чтобы между нами не оставалось недоразумений. Или чтобы увидеть мою реакцию.

Все у них было на мази, объяснились, заказали в ателье ему – костюм, ей – свадебное платье, купили кольца, родителям она нравилась, был назначен день, когда идти регистрироваться в ЗАГС, приглашены гости. Перед самым ЗАГСом он сказал будущей жене, что им нужно поговорить. Его тон не предвещал ничего хорошего. Наверное, она побледнела. Или покраснела. А может, закусил губу. Он сказал, что свадьбы не будет, он все обдумал и понял, что они должны расстаться, и лучше сделать это сейчас, как это ни неприятно, чем сделаться несчастными на всю жизнь.

Почему? Почему они должны сделаться несчастными?

Наверное, она спрашивала его об этом. Наверное, она также спросила его что-нибудь в том роде, почему не сделал этого раньше, а не сейчас, когда уже приглашены гости. Или, когда куплены кольца. Или, когда его родители дали добро. Аргументы ничего не значили, она хваталась за любой, как за соломинку. *Наверное, я поступил как последний негодяй*, сказал он, *но другого выхода не было*.

Он умел принимать решения – что было, то было.

Тогда я выслушала его историю спокойно. И лишь оставшись одна, плакала, не зная толком, отчего.

У влюбленных слезы текут легко и целительно.

До внезапного насильственного разрыва я не знала, что влюблена. Со мной не случилось того, что называется любовью с первого взгляда. Случилась любовь со второго. Все происходило постепенно, страсти не одолевали меня. Я оставалась спокойной и веселой – ровно до той минуты, когда он объявил мне, так же, как той своей невесте, что мы должны расстаться. Но я не была ему невестой. А кем? Хорошей знакомой? С хорошими знакомыми не поступают так драматически.

Разрыв спровоцировал любовь. Что имеем, не храним, потерявши, плачем – материнская поговорка, которую раньше сознание обтекало, обрела реальный смысл. Лишь когда отнимают – становится понятно, *что* отняли. С женщинами так часто бывает.

Может быть, его отношения со мной попали в ту же колею, что и отношения с той девушкой? Получалось, что он как гоголевский Подколесин, мечтая о женитьбе и страшась ее, в последний момент выпрыгивал из окна. Ни о какой женитьбе между нами не шло и речи. Я не заговаривала – он ни намеком не обмолвился. Хотя я все больше привыкала и привязывалась к нему. Теперь надо было отвязываться и отвыкать.

Удар был слишком тяжел.

Слава тебе, безысходная боль!

Умер вчера сероглазый король.

Мой сероглазый король исчез из моей жизни. Все равно что умер.

Записка

Когда я находилась в рейсе, было легче. В рейсе требовалось думать о своих обязанностях, а не о своей несчастной любви. Когда выдавались пустые от работы часы и дни, я погружалась в пучину страданий с головой.

Моя проблема заключалась в моей закрытости. Кто-то открывается первому встречному-поперечному, кто-то припадает к материнской груди, кто-то делится с подругами, кто-то вышибает клин клином, заведя себе нового друга. Я все таила в себе и заводила никого не собиралась. Я должна была по-прежнему держать фасон, полагаясь исключительно на себя. Возможно, мой секрет был секретом полишинеля, и по моей физиономии можно было прочесть больше, чем мне хотелось бы, – это ничего не меняло.

Возможно, мне следовало сделать какую-то попытку к примирению. Позвонить, как ни в чем не бывало. Либо снова попытаться объяснить ему, как я люблю его. То есть бегать за ним. Ничего этого я делать не умела и не хотела.

Не думала, не гадала, что со мной может стрястись такое.

Я уже жила в студенческом общежитии на Мытненской, поступив на испанское отделение филфака ЛГУ, в свободное время ездила к родным, но ничего им не рассказывала. Бродила родными улицами, по которым весело бегала юной почтальоншей, не знавшей ни тоски, ни печали, всеми привечаемой, и не находила утешения. По улицам, казавшимся тогда такими широкими, а нынче жалко сузившимся, ехали машины и шли люди, одетые преимущественно в черное и серое, отчего походили на стаю ворон, пассажиры входили и выходили из троллейбуса, нищий просил подаяния, подростки приставали к прохожим, стреляя сигареты, зажигались тусклые полуразбитые фонари, пахло бензином и соляжкой, – я чувствовала себя отравленной.

Одно происшествие развлекло меня. Я возвращалась домой, в нашей подворотне подпирал стену незнакомец. Увидев меня, он оторвался от стены и пересек мне дорогу, походило, что он ждал именно меня. Сгущались сумерки, кругом ни души, мы были вдвоем в пустом сумеречном пространстве. В другое время я, может быть, испугалась бы. Сейчас меня охраняли мои ангелы, искупая свою вину за то, что оставили одну в тот роковой день расставанья с моим милым.

Про ангелов я начала думать буквально с первого дня в авиации, и когда повторяла слова бабушкиной молитвы, больше думала не о Нем, а о них, как если б они были где-то рядом, за моим плечом. Они были посредники между Ним и мной, с посредниками было проще.

Незнакомец крепко схватил меня за руку и начал ни с того, ни с сего умолять дать ему мой телефон. *С какой стати*, спросила я не столько удивленно, сколько надменно. Я умею быть надменной, если потребуется. Он начал рассказывать мне какие-то сказки про то, что сколько-то времени назад, увидев меня, да еще с такими грустными глазами, он потерял сон и покой и поклялся себе, что сумеет развеять грусть в моих глазах, и что лучше меня нет девушки на свете. *Вы лучшая девушка в СССР*, пробормотала я фразу из фильма *Еще раз про любовь*, которую Лазарев произносит в адрес Дорониной и которая стала столь популярной у стюардесс. Он, видимо, решил, что диалог завязался, и глаза его заблестели, как будто в них включили свет. Я сказала, что никакого телефона не дам, и попросила пропустить меня. Свет выключили. Мне показалось забавным это переключение, как в автомобильных фарах. Он еще что-то говорил про мою красоту, мне стало скучно, я дернулась, и тогда он отпустил меня. Я ушла.

По прошествии времени меня посетила шальная догадка: не он ли устроил мне эту проверку лояльности? У меня нет и не было никаких доказательств, но, зная его, я могла предположить, что и эта штучка из его штучек.

Но я извлекла из этого маленького события пользу. Я заставила себя посмотреть на вещи как бы из другого измерения и прекратить страдать. В конце концов, сказала я себе, у меня тоже есть своя гордость, я тоже не пальцем деланная, не на помойке же он меня нашел. Я сказала себе, что надо забыть его, и я забуду.

Я умею быть рассудительной.

Удивительный закон существует. Когда ты исчерпал все запасы страдания и перестал верить и надеяться, срабатывает накопившаяся энергетическая масса, и следует прорыв: тебе даруется желаемое. Парадокс в том, что ты, быть может, этого больше и не желаешь.

Я – желала.

В один прекрасный день я увидела прикрепленный к входной двери бумажный листок. На нем написано: *Да, дружочек, это я*. И номер телефона.

Обвал.

Счастье труднее написать – живописать! – нежели несчастье.

Ну, предположим, это *Сороковая* Моцарта.

Либо сильный запах жасмина в саду.

Либо щенок, облизывающий тебе лицо.

Либо, когда в солнечный день летишь на лыжах с горы, и все кругом сверкает брильянтовой крошкой.

Либо вот умираешь хочешь по-маленькому и не знаешь, добежишь или нет, и, слава Богу, добежала.

Ночь (3)

В моем дипломе о высшем образовании, полученном на филологическом факультете Ленинградского университета, записано: филолог-романист.

Романистика – наука, изучающая романские языки. Но романистика – также и словесность, то есть собственно создание литературных произведений. Романист – писатель.

Сама запись в университетском дипломе указывала путь, на который раньше или позже мне следовало встать.

Жизнь щедро одарила переменами. Сколько их было в моей жизни!

Та, что ожидает, ни с чем не сравнима.

Мне нужно было обрести хоть какое-то равновесие, занявшись чем-то, что могло бы отвлечь и увлечь. Храбрая мысль сесть-таки за роман толкалась в моем мозгу, как ребенок толкается во чреве матери.

У меня выйдет. У меня всегда все выходило. Почти всегда.

Сидя возле меня на постели, он сказал:

– Я хотел тебя попросить завтра причепуриться и все такое.

– Ты хочешь сказать, это будет завтра? – изо всех сил сохраняя спокойствие, спросила я.

Он кивнул:

– Да.

И хотя не он, а я была инициатором всего, сердце заныло, как ноет больной зуб.

Пожалуй, я ни в чем не уступала ему по характеру. Мы оба были рождены под знаком лидерства. Я сознательно выбрала позицию уступок – не хватало нам еще бодаться друг с другом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.